

«Учителя решили передать традицию вовне»

Из беседы «Платформы» с ответственным секретарем Федерации шаолиньских боевых искусств Максимом ДЕВЯТКИНЫМ о ситуации вокруг Шаолиньского монастыря как мирового духовного центра.

Чем показалась интересной история с Шаолинем? Происходит трансформация мировых духовных центров. Не только Шаолиньского монастыря. А по направлению трансформации можно судить о более широких процессах в обществе. Давайте начнем со стереотипа, сложившегося вокруг Шаолиня. Вот мы говорим – центр духовности, а можно ли вообще так развернуть вопрос?

В первую очередь, откуда мы вообще знаем о шаолиньском монастыре? Это были первые гонконгские фильмы на эту тему, Джет Ли, Джеки Чан. Это была примерно середина 1980-х годов. В тот момент – не готов сказать, почему – пошла мода на боевые искусства.

Стал очень популярен винчун на юге Китая, благодаря Ип Ману, Брюсу Ли и прочим. Стал популярен легендарный южный шаолиньский монастырь, в котором исторически, говорят, боевых искусств как раз не было, но на легендарном уровне он, как и северный, культивировал боевые практики.

Сам Китай (а не Гонконг) не снимал фильмы про шаолиньский монастырь. Не было на это запроса. Когда Алексей Маслов [сегодня – президент Федерации шаолиньских боевых искусств] впервые приехал в шаолиньский монастырь, он был удивлен, что монахи даже не знают о своей мировой известности.

А до того вообще никто не знал о том, что есть шаолиньский монастырь, о его величии. На мой взгляд, трагедия шаолиньского монастыря в том, что его известность, которая выросла до гигантских масштабов, его и погубила.

I. ТРАДИЦИЯ: ВКУС КОРНЕЙ ШАОЛИНЯ

Максим
Девяткин

То есть до гонконгских фильмов это был признанный в Китае, но не известный в широком мире центр боевых искусств?

Это был абсолютно типичный чань-буддистский монастырь. За единственным исключением: в нем наряду с чань-буддизмом практиковались боевые искусства. Это сложилось исторически из-за того, что Шаолинь находился буквально в 70 километрах от древней столицы Китая.

И это мотивировало изучать боевые искусства?

Рядом стояли военные гарнизоны, в этой зоне разворачивались древние военные события. К монахам приходили военные, они обменивались духовным опытом, монахи лечили, давали временное убежище.

Монахи странствовали пешком, им нужно было уметь защитить себя. И постепенно самозащита в странствиях въелась в практику шаолиньских монахов, они начали друг другу передавать это боевое искусство.

И через несколько веков сложился определенный набор упражнений, которые позже были связаны в комплексы: техника боя с мечом, с копьем, с различным древним оружием – которые культивировались уже внутри монастыря.

Вероятно, многое ушло в сторону от практики военных? Трудно предположить, что военные владели техникой боевых искусств,

которую десятилетиями практиковали монахи?

Вот что интересно – военное искусство менялось с годами. Вооружение, военная техника, тактика. А Шаолинь, будучи закрытым чань-буддистским монастырем, всё это впитывал и хранил, отбирая самое лучшее и совершенствуя. Благодаря своей закрытости, он и донес до наших дней технику боя с мечом, с копьем, старые кулачные методы.

А в плане духовных практик это был типичный центр буддизма школы чань [яп. «дзэн», санскр. «дхьяна»], так?

Духовно там практиковали чань-буддизм, который принес в Шаолиньский монастырь сам Боддхидхарма.

Как получилось, что монастырь раздвоился? Северный Шаолинь, южный Шаолинь... И какой из них более «аутентичен»?

У Шаолиня было до 8 филиалов. Остались только северный и южный. Но в целостном виде сохранялся только северный, он и принес нам боевое искусство как таковое. Что практиковалось в южном Шаолине – мы не знаем, носителей боевого искусства южного монастыря нет.

Итак, в северном монастыре сложилась своя школа, как-то замешанная на чань-буддизме?

В шаолиньском монастыре практикуются не только чань и не только боевые искусства. Китайцы называют это «Шаолинь ванхуа» то есть «шаолиньская культура». Она включает в себя 4 обязательных и неразрывных составляющих.

Это, во-первых, собственно, чань-буддистская практика, в которую входят упражнения с внутренней энергией, медитативная практика, изучение сутр. Во-вторых, это медицина, самостоятельное ответвление классической китайской медицины. В-третьих, это боевые искусства. И четвертая составляющая – «гражданские» дисциплины, например, каллиграфия, или изучение общественных установлений для социализации монаха в окружающем

мире.

Они изучались всегда неразрывно друг от друга. Да, были монахи, которые не практиковали боевые искусства, но те, кто практиковали боевые искусства, изучали всё остальное.

Распространенный стереотип гласит, что духовные практики и боевые искусства – это некое целое. На уровне фразы это красиво звучит, а на что это опирается в реальности?

Шаолинь – это чань-буддистский монастырь. Монахи не отбросили чань. Они использовали боевые искусства как способ практики чань-буддизма. Через боевые искусства они достигают ощущения своего сознания, в конечном счете – просветления.

Но как это работает? Мы же все равно отдельно понимаем драку и духовный рост. Есть такая гипотеза, что прежде чем ударить, нужно войти в долгую медитацию. Очевидно, противник будет ждать. А с вашей точки зрения?

Тому, кто вошел в долгую медитацию, уже не нужно бить. На самом деле, шаолиньское боевое искусство изучается как прикладная техника, то есть как способы регуляции внутренней энергии через практику дыхания и размышления.

Это всё изучается единым синтезом и совмещается в единой тренировке сознания, отработка техники – вторична. Достигая спокойного чистого сознания, невозмутимого, человек подходит к боевой практике. Спокойное сознание позволяет ему действовать безошибочно в критической ситуации с противником.

Параллельно изучаются простые правила, которые должен соблюдать практикующий шаолиньское искусство: не драться на улице, уважать наставника, не обучать недостойных и так далее. Всё это описано в 10 шаолиньских заповедях, или правилах поведения.

В подходе, который вы описали, сознание помогает лучше оперировать в борьбе. А можно ли сказать наоборот, что

изучение боевых практик дает обратный эффект на умственные упражнения?

Монахи искали и находили новые способы, через что себя пропустить и проверить. Легко быть просветленным монахом в закрытом пространстве спокойного монастыря. А когда монах сражался в реальном бою (были случаи, когда монахи погибали в учебном поединке), он учился сохранять внутреннее спокойствие.

Когда есть конкретное сопротивление, физическое, ментальное, энергетическое, мы оттачиваем на нем свой навык. В медитации ведь точно так же приходится преодолевать сопротивление противника. Медитация и бой – равно поединок. Это один и тот же процесс.

Как известно, монаху не принадлежит его жизнь. Через чань-буддистскую практику человек осознает, что эта жизнь – иллюзорна. Как раз поэтому монахи славились своим бесстрашием. Они не цеплялись за жизнь. Из-за того, что они не цеплялись за свою жизнь, они были великими воинами.

II. СОВРЕМЕННОСТЬ: ТУРИЗМ И ДЕНЕЖНЫЕ ПОТОКИ

Мы погрузились в самую суть. А начали разговор с того, что в середине 1980-х годов за счет «поп-культы» Шаолиня стала происходить некая трансформация. Как можно описать этот процесс трансформации и его результаты?

В 1982 году началось восстановление монастыря после разрушения в период культурной революции. Тогда часть монахов сослали, кто-то вернулся к началу его восстанавливать. Кто-то начал восстанавливать постройки, кто-то архивы, культуру, практику. В то время еще сохранялось старое поколение мастеров, обучавшихся по традиционной школе.

Когда пришла известность, пришло и понимание выгоды, политические круги поставили своего человека. Это настоящий настоятель шаолиньского монастыря Ши Юнсинь. Сейчас он является генеральным менеджером монастыря. И с того момента

началась трансформация всей шаолинской практики. С приходом последнего настоятеля запись хроник Шаолиня – деревьев передачи мастерства – прекратилась. Потому что пришел маркетинг, пришел бизнес.

Представьте, вы живете в уединенном монастыре, и вдруг к вам приходит ежедневно до 15 тысяч туристов. Старые мастера начали уходить, уединяться, а кого-то и попросили. С середины 1990-х Шаолинский монастырь открыт для посещения больше как музей. В выходные дни число посетителей достигает 20-25 тысяч, а в праздники... если вы представляете «бессмертный полк» на 9 мая, то примерно такая же толпа с 9:00 до 17:00 вечера движется в шаолинский монастырь.

А что движет этими людьми? Зачем они туда едут?

В основном это внутренний туризм Китая. Посетить легендарный монастырь. Посетить священные горы. Осмотреть пещеру, где 9 лет Боддхидхарма просидел, глядя в стену. Туда им просто интересно съездить в отпуск. Единицы из этих людей что-то понимают в боевых искусствах.

А как давление этого потока работает? Можно ведь его не замечать, особенно если ты буддист. Раздражающий фактор в том, что ходят, пальцем в тебя тычут?

Нет, как раз на это китайцы меньше всего обращают внимание. Они, скорее, сами тычут пальцем, когда видят иностранцев. В центральные храмы посадили молодых ребят, 25-30 лет, которые продают четки, собирают пожертвования, смотрят, чтобы люди не заходили за ограждения. Те же четки, которые можно купить за дверями Шаолиня за 20-30 юаней, в храме стоят 100 юаней. Все сотрудники шаолинского монастыря получают жалование.

Тогда как в других, отдаленных буддистских и даосских монастырях, при храме сидит пожилых лет монах, консультирует прихожан, отвечает на вопросы, подсказывает – этот момент духовных консультаций исключен.

Пригласили новых послушников – из числа тех, кто ездит одновременно 5-6-ю группами на мировые гастроли. Это просто хорошие спортсмены, которые высоко прыгают, быстро бьют, садятся на шпагат. К реальной внутренней практике они отношения не имеют. Но их посвятили в буддисты, у них есть сан послушника, либо монашеский сан. И они продают там различные товары.

Буквально год назад в одном храме открылась торговля шаолинскими благовониями, которые делают на травах там же. Рецепта мы не знаем, но они прямо там же, в больших коробках приносят смесь, закладывают и вручную прокручивают как через мясорубку, потом сушат и благовония продают. Так же продается шаолинская каллиграфия.

То есть остался мощный маркетинговый центр. А китайское правительство способствовало этой накачке?

Это была централизованная политика. И в какой-то момент Шаолиню дали статус культурного центра «5А», самый высший. Но увидев, что из-за потока туристов начинается разрушение, снизили до «4А». Когда живешь там 2, 3, 4 недели, ты просто видишь огромный туристический центр.

Буквально 3 года назад Шаолинь опубликовал приглашение о наборе в шаолинские монахи для иностранцев. Было заявлено: любой желающий может стать монахом. Естественно, есть отбор, есть обязательные условия: владение китайским языком, знание китайской культуры и традиций шаолинского монастыря.

Как ни странно, приехало очень много людей из Латинской Америки, из Африки. Стать шаолинским монахом – это недешево. Это надо быть обеспеченным человеком, чтобы жить и обучаться там. В месяц, если я не ошибаюсь, порядка 70 тысяч юаней. Это примерно 90 тысяч рублей в месяц, то есть примерно \$1500.

Очень забавно смотрится, когда ходят несколько монахов старого поколения, которые не практикуют боевые искусства, а просто являются чань-буддистскими монахами, а с другой стороны идут

чернокожие парни, тоже в желтых одеждах. Тем не менее, их обучают шаолиньской культуре, буддистским ритуалам, боевым искусствам. Но они не живут в монастыре. С китайцами есть всегда «но». Ты шаолиньский монах, ты платишь деньги за это, но живешь вне закрытой общины.

Чтобы выйти из внешнего круга, нужно найти учителя – это уже совершенно другая история. Найти мастера, у него обучаться, стать с ним друзьями, чтобы он понял, что ты достойный человек, готов обучаться на самом деле, а не просто учиться, чтобы перепродать. И через него можно войти во внутренний круг.

Почему монах? Это повышает рыночное предложение?

Это повышает твой статус. Есть масса школ ушу вокруг монастыря, и достаточно неплохих школы, есть действительно шаолиньские мастера, у которых есть своя школа. Вот Ши Дэян – прекрасный мастер. У него своя школа. Он не живет в шаолиньском монастыре. У него есть ученики, они обучают своих учеников. И к нему можно приехать в школу, не в 10 тысяч юаней, конечно, а гораздо меньше, можно у него обучаться.

Но школа – не шаолиньский монастырь. А когда мы приезжаем в Китай, где мы хотим обучаться? У самых лучших! Мы должны обучаться в самом монастыре. Не важно, есть там монахи или нет там монахов старых. Вот это западный подход. Мы приходим в место. Китайцы всегда ищут человека. Потому что только мастер – буддистский монах, даосский монах – является прожектором, на который следует идти. Мастер является путем, который он прошел сам и по которому ведет ученика.

Можно ли сказать, что путь, который прошел Шаолинь, это неизбежный путь маркетингового общества? Рынок оказывается сильнее. Происходит деградация самого института «духовного центра».

Да, безусловно. Постоянно видишь, как даже китайские туристы покидают Шаолинь разочарованными. Они купили себе меч, четки

на шею, каллиграфию. Вроде бы они довольны должны быть. Но они не получили того, за чем пришли. Учителей и Мастеров с большой буквы там больше нет.

Они не увидели именно шаолинскую традицию, шаолинских монахов. Они просто пришли в очередной монастырь, где их раскрутили на деньги, им что-то продали. Но менее раскрученные монастыри, буддистские или даосские, они продолжают существовать, в них продолжает развиваться внутренняя традиция.

Есть монастыри, в которых по-прежнему практикуется отдельными учителями шаолинское искусство. Но туда туристы не едут толпами, там нечего смотреть. На самом деле и шаолинский монастырь не пестрит ярким и дорогим убранством. Это бедный, аскетичный монастырь, золота там нет вообще, покрыты золотой краской только статуи. Больше там ничего нет. Может быть, фрески.

А как распределяются полученные деньги? Или это не известно?

В шаолинском монастыре есть люди, которые получают в районе 1000\$ в месяц. Это конкретная работа в хорошем туристическом центре. Там действительно огромные финансовые потоки.

Вход в шаолинский монастырь стоит (на территорию шаолинского монастыря) стоит 100 юаней. Это примерно 800 рублей. Есть еще 2 фуникулёрные дороги, масса палаточек и уличных торговцев, открылся бутик, где можно купить открытки, фотографии Шаолиня, поставить печать шаолинского монастыря и отправить другу по почте.

Если даже 10 тысяч человек посещают монастырь в день, умножим на 100 юаней, получим приличную сумму. При монастыре есть афиллированные с ним школы ушу [дословно «боевое искусство», термин возник в 20 веке, адекватные термины цюань-шу, гун-фу: «искусство кулака», «искусство боя»]. Ежегодно в них обучаются от 30 до 40 тысяч человек. Какие там налоги – непонятно. Но последний скандал обнаружил у настоятеля шаолинского

монастыря недвижимостью в Америке. У него есть хорошая машина в Китае.

III. РОССИЯ: «БОЕВОЕ МОНАШЕСТВО»?

Что мотивировало создать Шаолинскую ассоциацию в России, именно под этим брендом, и как это сейчас в России развивается?

Мы развиваем не бренд. Мы развиваем и практикуем шаолинское искусство в его старом виде. Началось это примерно в 1990-х, когда Алексей Александрович Маслов ездил в Китай, нашел Ши Дэцяня, тогда монаха старого поколения в шаолинском монастыре, тот взял его в ученики.

И в какой-то момент монах предложил ему открыть свою школу в Москве. Он уже видел ситуацию в Китае, он понял, что монастырь, как духовный центр, разрушается. И нужно традицию выносить вовне, где-то ее сохранять.

Школа в России стала одним из таких центров. Алексей Маслов с этим справляется. Он – президент Федерации шаолинских боевых искусств. У нас более 20 клубов по России и за рубежом, включая Беларусь, Канаду, Соединенные штаты.

У Ши Дэцяня была идея в мир выносить традицию, а не конкретно в Россию. Он – первый монах, который решил вынести ее из Китая и стал брать учеников-иностранцев. Он первым назвал иностранца своим последователем.

Учеников может быть много, занимающихся много, а последователь – это избранный. Тогда, еще в 90-ых годах, старый настоятель Ши Суси, собрал старых монахов и сказал: «Ребята, ситуация понятна, ситуация меняться уже не будет, нам надо спасти шаолинскую традицию». У Ши Дэцяня (кроме, Алексея Александровича), был ученик из Малайзии, он вернулся домой и открыл большую ассоциацию.

В России совсем другая культура. Понятно, когда традиции

сгруппированы в монастыре. Но как у нас, и вообще на Западе, члены Федерации практикуют синтез боевых искусств и практик духовных?

Вот здесь мы подошли к интересному вопросу. Любая школа центрируется вокруг учителя.

Учитель – Алексей Маслов?

Да, Алексей Маслов. В данной ситуации он является ядром, вокруг которого все вращается, которое всех притягивает. И здесь мы сталкиваемся с разностью культур Востока и Запада. Тому, что является нормой жизни на Востоке – на Западе приходится обучать, рассказывать, как себя вести, как выстроить отношения по линии «учитель – ученик», а это ведь совсем не то же самое, что занимающийся и тренер.

Опять же, есть китайская терминология, которой нет аналогов в русском языке. Приходится частично изучать китайский язык. Потом что китайское боевое искусство – это не просто сесть в шпагат и ударить напарника. Тогда это будет просто рукопашный бой, кикбоксинг, что угодно, но не восточное боевое искусство. А это понимание нужно отдельно отстраивать.

То есть ему надо, прежде всего, сознание изменить...

Конечно. Сформировать пригодную для изучения боевых искусств картину мира.

Насколько удастся трансляция опыта Шаолиня в ее подлинности за пределами Китая, как работает духовная составляющая проекта?

Это не просто все. Потому что приходится бороться с чужими иллюзиями. Все, что мы знаем о восточных боевых искусствах – это интернет, фильмы, книги. По факту, приходится переучивать, выбрасывать, объяснять, консультировать. Несколько раз в год в Подмоскovie проводятся обучающие семинары, куда съезжаются ученики, инструкторы со всей России, из зарубежья. Читают лекции им, проводят практические занятия, исправляют ошибки.

Но при этом это же не требует от участников практиковать?

Не требует, то есть мы не требуем. Но если человек понял для себя, что для дальнейшего развития отсутствие в практике чань-буддизма – препятствие, он может стать буддистом, изучить определенные ритуалы. Это не является обязательной практикой, потому что российское общество – христианское в большей мере. Много в Федерацию пишут писем с вопросами, на первый взгляд, странными: «А если я практикую цигун, не продаю ли я душу дьяволу? Как практика медитации соотносится с христианской практикой?».

В одном из ответов Алексей Александрович дает четкое понимание: если вы, практикуя шаолиньскую буддийскую медитацию, представляете перед собой образ не Будды, а допустим, Иисуса Христа или кого-то из святых, то в этом нет противоречия.

Кроме того, что визуализация в православной традиции запрещена, правда, в католической – вполне практикуется.

Вы можете не произносить буддистскую мантру, а в медитации читать «Отче наш». Но, безусловно, сам Алексей Александрович Маслов является буддистом. Он долгое время жил в шаолиньском монастыре, изучал шаолиньское искусство, был посвященным монахом. А если он – посвященный монах, он, соответственно, должен был бы изучать и ритуалы, и чань-буддизм, общаться с монахами, посещать службы. Так или иначе, он постиг глубину и целостность шаолиньской школы.

Но если говорить о России, то, действительно, люди с глубокими христианскими убеждениями, начиная практиковать чуть дальше боевого искусства: внутреннюю энергетику, цигун, шаолиньскую медицину, медитативную практику – сталкиваются с противоречиями: «Как так?! Мы занимаемся чань-буддистской медитацией, будучи христианами».

В русской традиции можно усмотреть традицию, скажем так, боевого монашества, как Пересвет и Ослябя. И все же, скорее

ближе это опыту иезуитов, упражнениям Игнатия Лойолы. Интересный был бы сюжет: иезуиты и Шаолинь.

Здесь, кстати, интересный момент по поводу простить, не простить, подставить другую щеку. Я к шаолиньским монахам. Много учеников задают один и тот же вопрос: как в боевой ситуации понять, какую технику применить. Потому что можно просто человека ударить, а можно сломать руку, а можно сделать так, чтоб он упал, потерял сознание. И вот здесь мы подходим к внутренней духовной практике чань-буддизма. Монах, владея разрушительной техникой, практикуя медитацию, находится в спокойном состоянии сознания, и в этом состоянии любое его действие будет безошибочным.

Он не думает, какой рукой ударить, он действует спонтанно, естественно и реагирует на уровень опасности точно так же естественно. Если пытаются его просто ударить – это одно, если пытаются его убить – это другое. Он не злится ни на кого, он не пытается оспорить что-то. Есть прекрасная шутка: бессмысленны споры с буддистами. Им говоришь, что Будды нет, а они кивают, смеются. Нельзя обидеть буддиста, если мы говорим о реальном буддисте. Ему можно сказать, что Будды нет, попытаться оскорбить Будду – его это не затронет.

Потому что – ну да, весь мир иллюзия.